

Росс. вестн. - 1995. - ЮБИЛЕИ

4 окт. - с. 3.

Вещий выбор Ивана Бунина

В Париже открылась мемориальная доска великому русскому писателю

Мюзетт - стоял Дом русского масонства, в многочисленных ложах которого «работали» Керенский и Маклаков, Адланов и Аксентьев... Да что там говорить! Русский он - шестнадцатый «аррондисман» (округ) Парижа, русский! Даже местный вокзал Рanelag был построен в 1896 году специально для приема императорского кортежа: с поезда Николай II и Александра Федоровна, встреченные президентом Франции Феликсом Фором, пересели в ландо, запряженное шестеркой великолепных лошадей, и под рукоплескания парижан отправились к Елисейским полям...

Но ни с кем из русских шестнадцатый округ Парижа не связан так тесно, как, пожалуй, с Иваном Алексеевичем Буниным. Ведь он прожил в этом квартале - на пятом этаже дома № 1 по улице Жак-Оффенбах - более трех десятков лет: с 1920 года до самой своей смерти 3 ноября 1953 года.

- И до эмиграции, и после отъезда из России, и до Нобелевс-

кой премии, и после ее присуждения Бунин в сущности оставался одним и тем же, - рассказывала мне незадолго до смерти Нина Николаевна Берберова, - милейшим представителем старой России. Он напоминал моего дедушку, даже не родителей. Их я видела в контексте революции - сначала Февральской, потом Октябрьской. Бунин же представить не могла. Он был не стар, но старомоден.

- Прямой, как свеча, изысканный, как король... Бунин назначил мне встречу в кафе «Ле Фландрен». На его террасе он был виден издали - в мягкой шляпе, надвинутой на глаза, с выражением лица мечтательным и одновременно надменным. Когда Бунин увидел меня, то явно растерялся: я приехала на велосипеде и была больше похожа в моем беретике на разгоряченную гимназистку, нежели на прекрасную даму, которой желал поклоняться постаревший рыцарь, - вспомнила с озорной улыбкой жившая в

Париже Умм-эль-Банин. Азербайджанская писательница-эмигрантка, она вошла в историю как «последняя любовь Ивана Бунина» (так, кстати, названа и ее книга воспоминаний о великом писателе).

Иных уж нет, а те далече!.. Нет уже рядом с нами на грешной земле ни Берберовой, ни Банинханум, а у меня никак не выветриваются из памяти их рассказы о бунинском Париже. Так и не научившись свободно говорить по-французски, Иван Алексеевич и во Франции оставался русским барином. Представителем поколения Тургенева и Льва Толстого, а не Горького и Вересаева. Но кто знает: может, именно в этой «старомодности» и заключался секрет избранничества Ивана Алексеевича? Его исключительности, которую мы с особой остротой начинаем постигать сейчас? Точнее, постигаем вот уже несколько лет. После того как и недели не обходится без цитирования в нашей прессе «Окаянных дней»:

«Русь классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель высокой, но и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелепидцей...»

Рабству у комиссаров Бунин предпочел изгнание у французов. В отличие от Горького, Куприна, Алексея Толстого он не вернулся на Родину, несмотря на шарм и увещевания московских гонцов, настоятельно и хлебосольно уговаривавших его (достаточно вспомнить хотя бы Константина Симонова). Не вернулся никогда, даже визитером-туристом. И в этой непримиримости нет чванства. В ней - неиссякаемый вызов Ивана Бунина, написавшего в октябре 1952 года, незадолго до смерти, в предисловии к своей книге «Роза Иерихона»:

«Я был не из тех, кто был ею (революцией). - К.П.» застигнут врасплох, для кого ее размеры и

зверства были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия.»

...Этот год - бунинский. Первый российский нобелевский лауреат родился 125 лет назад. Родился в Воронежской губернии, а умер в Париже. Единственное, чем Сталин мог наказать первого русского «Нобеля», - лишить его права быть похороненным на родной земле. Но даже «отец народов» не смог отлучить от России Бунина. Помнят о нем и в Париже. 25 сентября в доме № 1 на тихой улочке Жак-Оффенбах состоялось торжественное открытие мемориальной доски. На золоченом металле вычеканено для будущих поколений:

Здесь жил
с 1920 года по 1953 год
Иван БУНИН,
русский писатель,
Нобелевская премия 1933 года.
Философ и поэт, пророк и лирик,
Иван Бунин остался верен
России и самому себе:

Ходили в мире лже-Мессии, -
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам - их литургии,
Их речь - бряцающий кимвал.

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «РВ».

Париж.